

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-6-55-65

**«Без сделок с совестью своей...»: наблюдения
над лингвопоэтикой лирики Н. А. Некрасова
(к 200-летию со дня рождения)**

Дмитрий Анатольевич Романов

Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого, г. Тула, Россия,
kafrus@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9650-3408>

Аннотация. Статья посвящена раскрытию лингвопоэтических новаций Н. А. Некрасова, определивших дальнейшее развитие русской поэзии. Анализируются различные лексические пласты некрасовской лирики и их формирование на фоне динамики русского литературного языка 1850–1870-х гг. Очерчиваются основные темы некрасовской поэзии, их языковое наполнение и композиционное развитие. Уделяется внимание метрике некрасовского стиха (согласно концепции М. Л. Гаспарова о связи метра и смысла). Выявляются отдельные синтаксические черты стихотворений, их эмоциональное наполнение и пафос. Прослеживаются связи тематических, языковых и композиционных открытий Некрасова с различными линиями русской поэзии конца XIX и XX вв. Помимо наблюдений над текстом, лексико-семантического и стилистического анализа в исследовании используются статистические и лингвохронологические возможности Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: лингвопоэтика, поэтический текст, тематика, лексика, ирония, синтаксис, риторические вопросы, период, пафос

Для цитирования: Романов Д. А. «Без сделок с совестью своей...»: наблюдения над лингвопоэтикой лирики Н. А. Некрасова (к 200-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 6. С. 55–65. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-6-55-65.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

**"Without bargaining with your conscience": observations
about the linguopoetics of N. A. Nekrasov's lyrical poetry
(to the 200th anniversary of the birth)**

Dmitry A. Romanov

Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy, Tula, Russia, kafrus@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9650-3408>

Abstract. The article aims to reveal N. A. Nekrasov's linguopoetic innovations which underpinned the evolution of the subsequent Russian poetry. Various lexical layers of Nekrasov's lyrical poetry and their formation against a background of the literary Russian language dynamics in the 1850–70s are analysed. The research outlines the major poetic themes of Nekrasov's poetry, its linguistic content, and compositional development. The paper also devotes attention to the poet's metrics and versification (in accordance with M. L. Gasparov's theory concerning the relationship between metre and meaning). Additionally, specific syntactic features of Nekrasov's poems, their emotional content, and pathos are revealed. N. A. Nekrasov's thematic, linguistic, and compositional discoveries are compared with various poetic movements in the Russian poetry at the end of the XIXth and in XXth centuries. Besides the observation of the text, lexical semantic and stylistic analysis, the research also exploits the statistical and linguochronological potential of the Russian National Corpus.

Keywords: linguopoetics, poetic text, themes, vocabulary, irony, syntax, rhetorical questions, period, pathos

For citation: Romanov D. A. "Without bargaining with your conscience": observations about the linguopoetics of N. A. Nekrasov's lyrical poetry (to the 200th anniversary of the birth). *Russkii yazyk v shkole* = Russian language at school. 2021. Vol. 82, No. 6. P. 55–65. (In Russ.). DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-6-55-65.

Клянусь, я честно ненавидел!

Клянусь, я искренно любил!

Н. А. Некрасов. Поэт и гражданин

Введение. Среди современных читателей найдутся немногие, кто назовет Некрасова в ряду своих любимых поэтов. Смена общественных идеалов в конце минувшего века, резкое изменение взглядов на исторические судьбы нашей страны у ведущих политиков и историков оказали негативное влияние на оценки личности и творчества Некрасова. Это можно считать закономерным только отчасти, поскольку и в советский период взгляд на деятельность Некрасова не был объективным: он выводил на первый план только его революционно-демократические устремления. В год 200-летия со дня рождения Некрасова хотелось бы напомнить о тех страницах его поэтического наследия, которые не стали основным предметом рассмотрения ни в советское время, ни в наши дни. Это касается главным образом влияния языка и стиля Некрасова, его художественных открытий на последующую литературную традицию и развитие языка художественных произведений. Хотелось бы напомнить, какой огромной популярностью пользовались стихотворения поэта у современников, как высоко оценивалась его литературная деятельность. Данью уважения к творчеству Н. А. Некрасова может стать система школьных уроков русской словесности, которая позволила бы подчеркнуть огромную роль и влияние поэта-демократа на всю последующую историю российской поэзии, общественно-политической мысли и язык русской лирики.

Современные интернет-материалы и расхожие печатные издания биографического характера (вроде книги «Анти-Некрасов») зачастую искажают личность поэта, акцентируя отдельные черты его непростого характера, неприглядные стороны частной жизни, коммерческой издательской деятельности и т. п. Любой человек сложен, а тем более такой масштабный, как Некрасов. Поводов для спекуляций предостаточно. Однако и к личности, и к многообразной деятельности поэта необходимо подходить объективно, преодолевая свойственное нынешнему времени тенденциозное выделение одних фактов и затенение других. Такая деформация отношения к Некрасову уже была — в конце

XIX в., и от нее предостерегали авторитетные источники. Академик Д. Н. Овсянко-Куликовский писал: «Некрасов был по своему психическому складу натура моральная, в этом не может быть сомнения после всего, что мы знаем о нем... Некрасов принадлежал к типу тех «кающихся грешников», которые творят мораль. <...> Не следует преувеличивать грехов Некрасова, как это делала в течение многих лет клевета и сплетня. <...> Будь Некрасов человек в моральном отношении обыкновенный, он не испытывал бы тех ужасных терзаний совести... Мало того, в его поэтическом наследии недоставало бы тогда как раз самого главного — его «покаянной поэзии», т. е. его лучших созданий («Рыцарь на час» и др.), которые навсегда останутся в нашей литературе» [Овсянко-Куликовский 1908: 384–385].

Имеет смысл и сегодня прислушаться к этому взвешенному, продуманному мнению.

Краткий обзор литературы и исследований по проблеме. В отечественном языкознании и литературоведении, в литературной критике творчеству Некрасова уделялось много внимания. На рубеже XIX–XX вв. были выделены основные темы его поэзии, изучена их биографическая основа и связи с литературно-художественным процессом 1850–1870-х гг. Большая роль в этом принадлежала академикам Д. Н. Овсянко-Куликовскому и А. Н. Пыпину. Первая летопись жизни и творчества Некрасова была подготовлена в 1935 г. Н. С. Ашукиным. В ней среди прочего делались и попытки системного лингвистического анализа произведений поэта. В. Е. Евгеньев-Максимов, собиравший и изучавший материалы о Некрасове еще с 1900-х гг., в послевоенное время издал трехтомный труд «Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова» [Евгеньев-Максимов 1947]. В это же время началось изучение отдельных групп лексики в некрасовской лирике. Одной из первых подобных работ стала статья С. А. Копорского «Диалектизмы в поэтическом языке Н. А. Некрасова» [Копорский 1947]. Огромную роль в изучении художественных новаций поэта сыграл К. И. Чуковский [Чуковский 1971]. В 70–90-е гг. XX в. благодаря работам М. М. Гина, Ф. Я. Приймы, А. М. Гаркави, Н. Н. Скатова значительный шаг

вперед сделала некрасовская текстология, увенчавшаяся изданием «Полного собрания сочинений и писем» Некрасова в 15 т. Санкт-петербургские ученые под руководством Б. В. Мельгунова в постперестроечное время много занимались проблемами журнальной деятельности Некрасова, что завершилось уже в 2000-е гг. выходом трехтомной «Летописи жизни и творчества Н. А. Некрасова». Большую роль в понимании содержания поэтических текстов Некрасова, их оригинальности играют воспоминания и биографические изыскания: в частности, воспоминания А. Я. Панаевой [Панаева 1986], ряд книг внучатого племянника поэта — Н. К. Некрасова [Некрасов 1971], а также биография писателя в серии ЖЗЛ, принадлежащая перу Н. Н. Скатова [Скатов 1994].

Анализ. Некрасову был свойствен беспристрастный и предельно правдивый взгляд на недостатки современного ему общества. Это касалось не только правящих классов, как отмечала советская критика, но и бедных слоев населения. Достаточно часто подобные наблюдения Некрасова облачались в афористичную языковую форму. Некрасов осознанно стремился к точности и выразительности поэтического слова. В письме к Л. Н. Толстому он говорил: «Бывало, я был к себе неумолим и просиживал ночи за пятью строками. Из того времени я вынес убеждение, что нет такой мысли, которую человек не мог бы себя заставить выразить ясно и убедительно для другого, и всегда досаую, когда встречаю фразу: “нет слов выразить” и т. п. Вздор! Слово всегда есть, да ум наш ленив...» (цит. по: [Чуковский 1971: 217]). Все, что не проходило некрасовской внутренней цензуры, нещадно им уничтожалось. П. Д. Боборыкин свидетельствовал: «Поэтические настроения подвергал он строгому контролю после того, как набрасывал на бумаге все то, что в первом порыве творчества лилось без удержу. — Из пятисот, из тысячи стихов, — говаривал он, — оставишь только сотню...» (цит. по: [Некрасов 1971: 123]). Вероятно, поэтому точные, меткие, окрашенные гневным сарказмом и одновременно глубоко горестным чувством афоризмы поэта вошли в золотой фонд русской словесности и русского литературного

языка. Так, в стихотворении «Поэт и гражданин» Некрасов характеризует радетелей о благе государства:

Одни — стяжатели и воры,
Другие — сладкие певцы,
А третьи... третьи — мудрецы:
Их назначенье — разговоры;

в стихотворении «Забывтая деревня» — национальную черту оглядки на всевидящее око начальства:

Малые, большие — дело чуть за спором —
«Вот приедет барин!» — повторяют хором...;

в стихотворении «В столицах шум, гремят витии...» — противопоставляет российские столичные города и провинцию:

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России, —
Там вековая тишина;

в стихотворении «Размышления у парадного подъезда» раскрывает сущность либералов из властей предрежащих:

Но счастливые глухи к добру;
И сойдешь ты в могилу... герой,
Втихомолку проклятый отчиною,
Возвеличенный громкой хвалой!...;

в том же стихотворении дает определение русской бурлацкой песни:

Этот стон у нас песней зовется...

А. М. Гаркави в комментарии к стихотворению «Песня Еремушке» приводит воспоминания современницы Некрасова Е. Литвиновой, показывающие, насколько широко поэтические формулы Некрасова расходились в тогдашнем образованном обществе: «Когда старшие заставляли нас подчиняться стариной освященным обычаям, которые приходились нам не по вкусу, мы отвечали словами из “Песни Еремушке”: “Будь он проклят, растлевающий пошлый опыт — ум глупцов!” — и говорили сами себе: “Силу новую животворных новых дней в форму старую, готовую необдуманно не лей!” Я, конечно, не могу утверждать, что под влиянием “Песни Еремушке” возникла описанная Тургеневым в “Отцах и детях” рознь между двумя поколениями, но эта песнь, во всяком случае,

служила первым воплощением-формулировкой этой возникавшей тогда розни» [Гаркави 1981: 360].

О призвании поэта, о назначении поэзии, о собственной музе, о писательском таланте Некрасов всегда говорил высоким слогом. Каким бы по тональности ни было стихотворение, какие бы «низкие» детали жизни и быта в нем ни приводились, рассуждения о литературе и ее назначении звучат в подобных текстах стилистическим перебоем. Таких примеров в лирике Некрасова очень много. Слова *гражданство, гражданин, долг, служение* стоят у него рядом со словами *гений, поэзия, муза*:

Будь гражданин! служа искусству,
Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей Любви...
(«Поэт и гражданин»).

Некрасов уважал литературный труд — и как поэт, и как редактор. Он обладал феноменальной памятью. Может быть, это связано с собственной напряженной работой над совершенствованием поэтического языка: то, что найдено в результате упорного, кропотливого поиска, хорошо запоминается в собственных произведениях и отмечается в творчестве других. По свидетельству А. Я. Панаевой, «Некрасов мог прочесть наизусть любое из своих стихотворений, когда бы то ни было сочиненных. Как бы оно ни было длинно, он не останавливался ни на одной строфе, точно читал по рукописи» [Панаева 1986: 198].

Некрасов был первооткрывателем многих тем в русской поэзии. При этом он, как правило, закладывал и основную языковую схему реализации подобных тем, их лексическое наполнение, образные приемы, композиционное развитие и т. п. В последующей литературной традиции они часто именуются «некрасовскими темами», или «некрасовской линией». Повторим еще раз, что подобные линии связаны с языковым оформлением стихотворения, а часто и с особенностями стихотворного размера. М. Л. Гаспаров многие разновидности русского смыслового метра называл *некрасовскими*. Например, трехстопный амфибрахий с семантикой современной баллады («Секрет», «Мороз, Красный нос»),

четырёхстопный дактиль с темами «горе в настоящем», «горе вообще» («Пожарище», «Дешевая покупка»), четырехстопный хорей со значениями трансформированной элегии («Песня Еремушке»), эпического контраста прошлого и настоящего («Влас») и крестьянского быта («Коробейники»). Гаспаров максимально точно определил роль поэзии Некрасова в совершенствовании метрической системы русского стиха: «Трёхсложные размеры ввел Жуковский, а Некрасов только переосмыслил, — и именно поэтому “поэтом трёхсложных размеров” в русской поэзии прослыл не Жуковский, а Некрасов, хотя трёхсложниками у него написано совсем не подавляющее много» [Гаспаров 2012: 28]. «Переход от классицизма к романтизму сказался в метрике резким расширением репертуара стихотворных размеров; переход от романтизма к реализму сказался в метрике резким разрывом традиционных связей метров с жанрами и темами. Когда Некрасов писал размером “Рыцаря Тогенбурга” — “Парень был Ванюха ражий...”, а размером “Двенадцати спящих дев” — “...Жил некто господин Долгов // С женой и дочкой Надей...”, он обогащал средства русского стиха не меньше, чем когда-то Жуковский. Может быть, даже больше: утверждение новой традиции на пустом месте бывает не столь ощутимо, сколь деформация старой, уже пустившей корни» [Там же: 27].

К числу таких некрасовских открытий принадлежат детская и материнская темы в русской поэзии. «Плач детей», «На Волге (Детство Валежникова)», «Крестьянские дети» — эти стихотворения, их размеры, их психологическая точность в передаче особенностей сознания ребенка, их богатейшее лексическое разнообразие (поскольку ребенку мир видится шире, ярче, подробнее, чем взрослому) — стали образцами не только для поэтов демократического лагеря (А. Н. Плещеева, И. З. Сурикова, С. Д. Дрожжина), но и для всех будущих русских авторов, касавшихся детской темы в лирике. «Орина, мать солдатская», «Внимая ужасам войны...», «Великое чувство! У каждых дверей...», «Так запой, о поэт! Чтобы всем матерям...» заложили традицию одического воспевания «святых, искренних слез» русских матерей. Эта тема затем будет звучать в поэзии начала XX в.

в связи с Русско-японской и Первой мировой войнами, а также в поэзии, связанной с Великой Отечественной войной.

М. Альтман в свое время отмечал, что стихотворение «Внимая ужасам войны...» полемично по отношению к одной из идей толстовского очерка «Севастополь в мае» — идее о забвении погибших героев. Может быть, формально это и так, учитывая, что Некрасов, как редактор «Современника», первым читал севастьяпольские очерки Льва Толстого. Однако и без связи с ними сама атмосфера катастрофы середины 1850-х гг. диктовала чуткой душе Некрасова те высокие слова, которыми наполнено его стихотворение (для полной объективности отметим, что Толстой вкладывал «безнадежные мысли» в речь своих пехотных офицеров только в минуты отчаяния). Одическая тональность четырехстопного ямба Некрасова поддерживается отчетливо книжной лексикой и финальным сравнением из поэтического арсенала высокого романтизма — *Как не поднять плакучей иве // Своих поникнувших ветвей...*

Стихотворение «Рыцарь на час» стало в русской поэзии одним из первых гимнов матери как носительнице самых светлых человеческих чувств, как мерило бескорыстности и чистоты любви, как целительной силе для души, измученной тяготами жизни. Воспоминания о матери, созданные одним из любимейших некрасовских размеров — трехстопным анапестом, подняты в этом стихотворении до подлинных лирических высот:

Мне не страшны друзей сожаления,
Не обидно врагов торжество,
Изреки только слово прощения,
Ты, чистейшей любви божество!

В рассуждениях Некрасова о смысле человеческой жизни одно из заметных мест занимает образ дороги. В самых разных стихотворениях, написанных в собственном Некрасову богатстве ритмического оформления, возникает тема проторенной (легкой) и заросшей (трудной) дороги. Некрасов использовал этот образ как применительно к своим героям, так и к себе самому. И Гриша Добросклонов, и Белинский в «Медвежьей охоте» идут *дорогой тесной*. Сам поэт, в молодые годы встав на эту дорогу, не изменил ей никогда,

хотя подчас это было сопряжено для него со многими лишениями. *Зачем не иду по дороге большой // За благами жизни, за пестрой толпой?* — восклицал он в стихотворении «Не знаю, как созданы люди другие...». Как дорогу Некрасов представляет и историческую судьбу русского народа, который:

...бредет по житейской дороге
В беззвездной, глубокой ночи,
Без понятия о праве, о боге,
Как в подземной тюрьме без свечи...
(«Ночь. Успели мы всем насладиться...»).

Дорога объединяет в поэтике Некрасова многочисленные образы — реально-описательные и метафорические, подлинно-исторические и фантастические. Ярославский столбовой почтовый тракт, знакомый ему с юных лет, возникает в стихотворении «Крестьянские дети», первая чугунная дорога между Петербургом и Царским Селом — в стихотворении «Железная дорога», печально известная Владимирка или какой-либо другой «арестантский» ее аналог — в стихотворении «Благодарение господу богу...». Для Некрасова дорога всегда заполнена людьми (в прошлом, настоящем и будущем; наяву, во сне или в видениях), она символизирует как частные судьбы, так и судьбу страны в целом. Несомненно влияние некрасовской поэтики дороги (реальной и метафорической) на последующую литературную традицию: вспомним, например, известное стихотворение А. А. Блока «На железной дороге» (1910).

К. И. Чуковский отмечал разнообразие метрического, строфического и ритмического строя некрасовской лирики: «Какими только жанрами он не владел, какие стили поэзии не были подвластны ему! От высокой патетики до каламбурных водеvilльных куплетов, от публицистических дискуссий в стихах («Поэт и гражданин», «Медвежья охота») до подлинно народной русской песни» [Чуковский 1971: 228]. Действительно, почти каждый размер и каждый тип рифмовки русского стиха можно подтвердить произведениями Некрасова. Отметим, что он использовал даже эпический шестистопный безрифменный ямб, который традиционно оформляет в русской лирике (в отличие от стихотворной драмы) философское осмысление каких-либо понятий и категорий бытия. Этим

размером написано, например, стихотворение А. Ахматовой «Есть три эпохи у воспоминаний...». У Некрасова данный размер встречается в таком нехрестоматийном стихотворении глубоко философского содержания и, как это часто бывает в размышлениях Некрасова, глубоко безнадежного восприятия действительности:

О, пошлость и рутина — два гиганта,
Единственно бессмертные на свете,
Которые одолевают все —
И молодости честные порывы,
И опыта обдуманый расчет,
Насмешливо и нагло выжидая,
Когда придет их время. И оно
Приходит непременно.

Социальные стихотворения Некрасова интересны не только открытием новых для русской поэзии вопросов, но и высокой степенью обобщения. Некрасову был свойствен философский взгляд поэта-мыслителя: за судьбой конкретного человека (к подробностям и деталям которой, заметим, поэт был очень внимателен) для него вставали типичные жизни, типичные социальные роли, типичные отношения. «Он был призванным поэтом народнических чувств и идей. Он, в противоположность, например, Тургеневу, не только знал и любил народ, но и тяготел к нему и болел душою от сознания своей оторванности от него. Тургенев знал народ и любил его — по-барски и художнически, Некрасов — "по человечеству". Тургенев — гуманный наблюдатель народной жизни и мужицкой психологии, Некрасов — народный печальник» [Овсяннико-Куликовский 1908: 344]. «В деревне», «Тройка», «Похороны», «Несжатая полоса», «Гробок» — все это конкретные судьбы, бесконечное частное горе, объединенное в панораму трагической народной жизни всей России.

Но тема страдания связана в творчестве поэта не только с образами людей из народа, которых Некрасов вывел тысячи, но и с фигурами из аристократических кругов. Например, его стихотворение «Княгиня», формально оттолкнувшееся от печальной истории А. К. Воронцовой-Дашковой, содержало в себе огромную степень обобщения, связанную с непониманием русского человека иностранцами, равнодушными

к женской судьбе и русской душе. А в стихотворении «Дешевая покупка» пронзительно показано несчастье дворянского разорения. В нем звучат слова особой обобщающей силы:

Нам ли в диковинку сцены тяжелые?
Каждому трудно живется и дышится.
Чудо, что есть еще лица веселые,
Чудо, что смех еще временем слышится!..

С одной стороны, «по летам и воспитанию он принадлежит 40-м годам, когда и начал писать и печатать. Но психологически, по духу, по складу мысли, да и по самой натуре своей он имеет весьма мало общего с эпохою 40-х годов. Всего меньше он — философ-идеалист, метафизик, теоретик, мечтатель. Он — человек практического смысла и живого дела. В противоположность типичным людям 40-х годов, в нем нет ничего барского, дилетантского, нет душевной утонченности и прекрасноты. Мы не найдем у него никаких следов унаследованной или приобретенной обломовщины. Он — не белоручка, он — работник, труженик, не боящийся черной работы, а равно не уклоняющийся от таких дел или положений, где можно замарать руки» [Овсяннико-Куликовский 1908: 332].

С другой стороны, Некрасова часто охватывал глубочайший пессимизм, неверие в «силу добра», а русское «терпенье безмерное» в его душе было способно «только досаду родить». В языковом отношении это выражалось в использовании пессимистичной по настроению эмоционально-экспрессивной лексики (*горе, тоска, сомнение, уныние, кровь, слезы, плач* и др.) и незавершенных, оборванных предложений (часто заканчивающихся многоточием). В подобном ключе выдержаны многие финалы некрасовских стихотворений. Вот показательные примеры:

И погромче нас были витии,
Да не сделали пользы пером...
Дураков не убавим в России,
А на умных тоску наведем.
(«Убогая и нарядная», 1857);
Пишу стихи и, — недовольный, жгу.
Мой стих уныл, как ропот на несчастье,
Как плеск волны в осеннее ненастье
На северном пустынном берегу...

(«Уныние», 1974).

И все же доминирующий некрасовский пафос, отраженный в лексике и синтаксисе, — это пафос равнодушия, искренней заинтересованности судьбами людей, о которых он пишет, даже если эти люди не во всем ему нравятся. Определяя поэтическое настроение знаменитой «Железной дороги», К. И. Чуковский писал: «Здесь и злоба, и сарказм, и нежность, и тоска, и надежда, и каждое чувство огромно, каждое доведено до предела, и в каждом сказывается не отгороженный от мира поэт-одиночка, а человек, связанный с миллионными массами, взволнованный их жизнью и судьбой» [Чуковский 1971: 366].

Значительна роль Некрасова в обогащении русской поэзии общественно-политической лексикой. И хотя так называемая гражданственная и свободолюбивая лирика берет свое начало от Пушкина и поэтов-декабристов, именно Некрасов в полной мере оформил ее лексически, сделав значительным, весомым, важным пластом русской поэзии не только идейно, но и по языковому воплощению. Г. Ю. Филипповский убедительно говорит о «преемственности эпической поэтики» Пушкина и Некрасова [Филипповский 2021]. Обратим внимание, что Некрасов вполне осознанно стирал стилистические границы между общественно-политической, философской публицистикой и художественной литературой, перенося в последнюю множество слов из политических статей, манифестов, деклараций и т. д. В послании либеральному цензору Н. Ф. Крузе, дававшему разрешение на публикацию прозы и поэзии демократического направления, он писал:

Впервые чрез тебя до бедного народа
Дошли великие слова:
Наука, истина, отечество, свобода,
Гражданские права.

Конечно, эти слова были в ходу и ранее, но со второй половины 1850-х гг. они стали активно употребляться именно в художественной литературе, в том числе в поэзии. Так, в «Песне Еремushке» находим знаменитую триаду девиза Великой французской революции:

С ними ты рожден природою —
Возледей их, сохрани!
Братством, Равенством, Свободою
Называются они.

Обратим внимание на то, что общественная лексика появляется у Некрасова даже в жанре колыбельной песни. И это для поэта принципиально: ведь он создает новый жанр колыбельной — социальную, политическую колыбельную песню.

В использовании подобной лексики, конечно, весьма ощутима пушкинская традиция стихотворных политических посланий, но количество и характер лексики общественного звучания у Некрасова иные. Пушкинское и декабристское «витийство» сменяется обдуманным, рациональным «публицистическим» словом:

В печати уж давно не странность
Слова «прогресс» и «либерал»,
И слово дикое — «гуманность»
Уж повторяет генерал.
(«Всевышней волею Зевеса...»).

В «Дружеской переписке Москвы с Петербургом» Некрасов употребляет совершенно новое для конца 1850-х гг. слово *утилитарность*:

...нет одного: души!
Там высох человек, погрязнув в барыши,
Улыбка на устах, а на уме коварность:
Святого ничего — одна утилитарность!

По свидетельству Ю. С. Сорокина, корень *утилитар-* в словах *утилитарный*, *утилитаризм*, *утилитарность*, *утилитарист* и т. п. имел первоначально терминологическое значение и относился к «учению английского философа, экономиста и юриста И. Бентама» [Сорокин 1965: 113]. Он обозначал понятия «философической теории», связанные со «стремлением общественных групп искать во всем прямую и вещественную пользу». В таком, научно-философском смысле названные выше лексемы стали употребляться русскими учеными и публицистами в 40–50-е гг. XIX в. По данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ), например, А. С. Хомяков использовал словосочетание *утилитарная школа* (1853), а В. П. Боткин — *утилитарная теория* (1856). В конце 1850-х гг. эти слова стали употреблять писатели, познакомив с ними читающую публику и расширив значение корня до того смысла, который он сохраняет и сегодня — «основанный на стремлении к практической пользе или выгоде, ставящий целью

практическое применение, использование чего-либо¹.

НКРЯ дает на существительное *утилитарность* 77 вхождений в 61 документе², из которых самое раннее относится к статье А. А. Григорьева «Один из многих» (1846), где слово употребляется терминологически в связи с теорией Бентама (у Григорьева — Бентэма). В 1859 г. это существительное использовал в одной из своих статей А. И. Герцен. Первое собственно литературное включение, по данным НКРЯ, принадлежит Н. С. Лескову в романе «Некуда» (1864). Стихотворение Некрасова «Дружеская переписка Москвы с Петербургом» (1859) Корпусом не зафиксировано. Таким образом, Некрасову принадлежит первое собственно литературное употребление слова *утилитарность*.

Специалисты в области исторической лексикографии отмечают, что именно Некрасов был одним из активных проводников перенесения специальной и научной лексики из узкой сферы профессионального употребления в широкие пласты русского литературного языка (и в первую очередь — в язык поэзии). Некрасов наряду с крупнейшими прозаиками 1860–1870-х гг. (Л. Н. Толстым, Н. С. Лесковым, Г. И. Успенским, М. Е. Салтыковым-Щедриным) способствовал существенному сдвигу научных, публицистических слов русского языка общественно-политической, морально-этической тематики в сферу художественной литературы. Как свидетельствуют лексикографы, нет практически ни одного идеологически-оценочного слова русского литературного языка, которое бы не употреблялось в поэтических произведениях Некрасова³. В этом отношении непосредственным продолжателем Некрасова можно считать В. В. Маяковского, который в первой четверти XX в.

развил политический словарь русской лирики, введя в него актуальные для нового века слова.

Еще одну преемственную от Пушкина черту можно отметить в стиле Некрасова. Это финальные риторические вопросы поэтического текста, оформляющие главную социальную проблему эпохи (социально значимые риторические вопросы в языке русской литературы идут еще из XVIII в. — от А. Кантемира). В заключение стихотворения «Деревня» Пушкин спрашивал себя и своих современников:

Увижу ль, о друзья! народ неутешенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

За время поэтического творчества Некрасов сумел задать два таких ключевых вопроса, потому что на его время пришелся перелом общественного устройства (отмена крепостного права), который, решив одну проблему, сразу же обозначил новую. Первый некрасовский риторический вопрос завершает «Размышления у парадного подъезда»:

Иль, судеб повинуюсь закону,
Все, что мог, ты уже совершил, —
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?

Второй вопрос звучит, как известно, уже в новую, свободную эпоху в тексте стихотворения «Элегия»:

Народ освобожден, но счастлив ли народ?..

В этом отношении продолжателем линии риторических вопросов по праву считается В. Брюсов, обратившийся к русской либеральной интеллигенции в 1919 г. с главным вопросом своей эпохи:

Иль вам, фантастам, иль вам, эстетам,
Мечта была мила как дальность?
И только в книгах да в лад с поэтом
Любили вы оригинальность?

Мастерство Некрасова было поистине неистощимым в создании сатирического контекста. Спектр некрасовских сатирических приемов чрезвычайно широк: от добродушной шутки, насмешки до сарказма, язвительных колкостей и открытых инвектив. Современники и исследователи

¹ Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд. М.: Русский язык, 1999. С. 532.

² Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 26.06.2021).

³ Голованевский А. Л. Идеологически-оценочный словарь русского языка XIX — начала XX в. Брянск: Изд-во БГПУ им. И. Г. Петровского, 1995. 170 с.

творчества Некрасова отмечают язвительность и желчность его натуры, тонкий, проницательный и изощренный в насмешке ум. Все это придает лирике Некрасова особый колорит. Многие из его острот актуальны до настоящего времени. Отметим, например, блистательную иронию стихотворения 1857 г., предопределившую отношение мыслящих людей ко многим грядущим общественным преобразованиям в России (отмене крепостничества, земской и судебной реформам и т. д.):

Всевышней волею Зевеса
Вдруг пробудившись ото сна,
Как быстро по пути прогресса
Шагает русская страна!

Некрасов был подлинным мастером иронии. За цветистыми похвалами и одобрениями различных явлений идеологической жизни эпохи в его стихотворениях встает их активное неприятие. Например, характеризуя Москву в сравнении с Петербургом и явно насмехаясь над патриархальностью взглядов славянофилов, поэт восклицает:

Правдивый град! Там процветает гласность,
Там принялись науки семена,
Там в головах у всех такая ясность,
Что комара не примут за слона.
Там, не в пример столице нашей невоской,
Подметят все — оценят, разберут:
Анафеме там предан Чернышевский
И Кокорева ум нашел себе приют.

В ироничном ключе Некрасов освещал не только образы, идеи и дела властей поддерживающих, либералов, правящих классов, но и покорность, инертность и долготерпение народа. Однако в народе он находил и успокоение, черпал новые силы для творчества.

Трудно найти другого русского автора, который создал бы такое количество высоких поэтических страниц, посвященных крестьянам, их детям, простым русским женщинам, сельской природе и т. д. Следует обратить внимание на то, что все хрестоматийные стихи Некрасова (и «Крестьянские дети», и «В полном разгаре страда деревенская...», и «Несжатая полоса», и многие другие) отличаются глубокой искренностью, правдивостью и, если так можно выразиться, «практическим, а не отвлеченным

народолюбием». Сестра поэта вспоминала о его приездах в родное Грешнево: «Он приезжал один, без столичных приятелей. Брал любимую собаку и исчезал из дома на несколько дней, ночуя у знакомых крестьян. Раздражительность его исчезала, из желчного он становился добрым, всех одаривал, особенно крестьянских ребят» (цит. по: [Некрасов 1971: 20]).

Неправ был Достоевский, говоривший в очерке «Влас» из «Дневника писателя» за 1873 г., что Некрасов любит «абстрактного крестьянина». «Ни жалость, ни сострадание, ни самая мысль о необходимости освобождения от крепостного права, ни даже прямая работа на пользу народа не могут сами по себе породить подобных чувств и идей. Для таковых необходим прежде всего живой интерес к народу, к его быту, его психологии, его мировоззрению, а потом — уважение к нему и сознание, что он не бесформенная, стадная серая масса, а историческая сила, с которой нужно считаться» [Овсяннико-Куликовский 1908: 342].

При этом Некрасов никогда не доходил до прекраснодушия, до ничем не подкрепленного умиления крестьянами и простонародной жизнью. Строки из поэмы «Саша» не стали афоризмом, их вспоминают не слишком часто, но они по-некрасовски точны и емки, в них нет обычной для поэта в подобных случаях горечи или иронии, — это почти беспристрастная констатация настоящего и будущего положения русского народа:

В ком не воспитано чувство свободы,
Тот не займет его; нужны не годы —
Нужны столетия, и кровь, и борьба,
Чтоб человека создать из раба.

Следует отметить большую роль антитезы в композиции некрасовских стихотворений. Многие из противопоставлений перерастают роль обычных художественных приемов и становятся знаковой чертой произведения, его организующим началом, помогающим наиболее точно уяснить авторскую мысль. Такова роль антитезы столиц и провинции в стихотворении «В столицах шум, гремят витии...», гармонии природы и безнравственности человеческого мира в стихотворении «Железная дорога», образов просителей крестьян-бедняков и «владельца роскошных палат» в стихотворении

«Размышления у парадного подъезда» и др. «Человек больших душевных противоречий и сильных страстей, Некрасов периодически переживал тяжкий гнет угрызений совести, настроений, близких к отчаянию, — и тогда целебное “чувство отрады”, о котором говорит Чернышевский, являлось для него настоятельной душевной потребностью. Здесь также и ключ к пониманию некоторых — значительнейших — мотивов его поэзии» [Овсяннико-Куликовский 1908: 336]. Вот показательный пример из стихотворения «Надрывается сердце от муки...»:

Я наслушался шума инова...
Оглушенный, подавленный им,
Мать-природа! Иду к тебе снова
Со всегдашним желаньем моим —
Заглуши эту музыку злости!
Чтоб душа ощутила покой
И прозревшее око могло бы
Насладиться твоей красотой.

Языковая техника некрасовской лирики отличается синтаксической филигранностью. Он мог легко передавать в поэтической форме как многоголосую простоту народной разговорной речи, так и сложные, витиеватые обороты современной ему интеллигентской публицистики. Подобно Пушкину, Некрасов был мастером поэтического диалога, в котором легко воспроизводил реплики любой длины и любого содержания — от примитивного, элементарного, бытового до философски-утонченного, наигранного, интеллектуально-претенциозного (в качестве примера последнего вспомним речь генерала из «Железной дороги»). Легкий, напевный синтаксис (как в «Похоронах» или «Коробейниках») соседствует в стиле Некрасова с книжными периодами. «Правда, стремление к пышной декламации, к витийственной речи наблюдается у Некрасова значительно реже, чем, например, его тяготение к песне или к бытовому повествовательным жанрам, но все же игнорировать эту тенденцию никак невозможно...» [Чуковский 1971: 225].

Выводы. Основной тенденцией лингвопоэтики Некрасова является стремление к точности отражения человеческих судеб и проблем эпохи. Этой тенденции подчинена работа поэта с лексикой: активное использование эмоционально-экспрессивных слов и расширение лирического словаря за

счет общественно-политической, философской и научной терминологии. Ею обусловлено стремление сблизить поэтический синтаксис с разговорным и публицистическим, а также использование разнообразной метрики, строфики, ритмики стиха и их смысловое преобразование, включающее «слом» устоявшейся лирической семантики метра и наделение уже усвоенных русской литературой стихотворных размеров новыми смыслами, принадлежащими в основном сфере повседневной жизни, быта, труда, эмоционального переживания несправедливости, душевного протеста и т. п. «Любопытство ко всяким проявлениям жизни, ненасытный интерес к ее очертаниям, краскам и звукам, стремление во что бы то ни стало воплотить их в искусстве — Некрасов не был бы поэтом-реалистом, если бы в его поэзии не сказывалась эта любовь художника к миру окружающих вещей и явлений» [Там же: 201].

Тематическое разнообразие русской поэзии Некрасов расширил не только злободневными для своей эпохи материалами, размышлениями, но и переосмыслением ранее сложившихся тем и разработкой новых сюжетных линий. Материнская тема и тема детства получили у Некрасова иные векторы развития, которых не знала русская литературная традиция и которыми она обогатилась благодаря ему. Сюжетное развитие этих тем, их языковое и образное наполнение усвоили не только поэты некрасовской школы, но и лирики XX в.

Некрасов возвел поэзию о народе в ранг исповедальной, наделив ее предельной правдивостью и искренностью. Разнообразные и поразительные в индивидуальной детализовке (в том числе языковой) судьбы крестьян, мастеровых, мелких торговцев, городской бедноты, мещан и т. д. составляют постоянный предмет размышлений и переживаний поэта. «В глуби искренности таких чувств и мыслей Некрасова сомневаться нельзя, хотя бы уже потому, что он извлекал из них истинно поэтические звуки. Нужно быть очень уж предубежденным против Некрасова, чтобы не чувствовать здесь высокой поэзии...» [Овсяннико-Куликовский 1908: 346].

Филигранное языковое мастерство Некрасова, отточенное в разнообразных по

жанру, назначению, версификационному оформлению поэтических произведений, делает его стиль афористичным, а многие тексты осознаваемо и неосознаваемо прецедентными для читателей последующих поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаркави А. М. Комментарии // Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 2. Л.: Наука, 1981. С. 329–439.
2. Гаспаров М. Л. Метр и смысл: об одном из механизмов культурной памяти. М.: Фортуна ЭЛ, 2012. 414 с.
3. Евгеньев-Максимов В. Е. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова: в 3 т. Т. 1. М.; Л.: Гослитиздат, 1947. 416 с.
4. Копорский С. А. Дialeктизмы в поэтическом языке Н. А. Некрасова // Ученые записки КГПИ. 1947. Т. 15, вып. 1. С. 275–319.
5. Некрасов Н. К. Некрасовские места России. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1971. 175 с.
6. Овсянко-Куликовский Д. Н. История русской интеллигенции: итоги русской художественной литературы XIX века. Ч. I. М.: Типография В. М. Саблина, 1908. 385 с.
7. Панаева А. Я. Воспоминания. М.: Правда, 1986. 508 с.
8. Скатов Н. Н. Некрасов. Серия: ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 1994. 411 с.
9. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90 годы XIX в. М.; Л.: Наука, 1965. 565 с.
10. Филипповский Г. Ю. А. С. Пушкин – Н. А. Некрасов: аспекты диалогической поэтики // Научный диалог. 2021. № 3. С. 276–290. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-276-290.
11. Чуковский К. И. Мастерство Некрасова. М.: Художественная литература, 1971. 711 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дмитрий Анатольевич Романов, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка и литературы, факультет русской филологии и документоведения, Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого

REFERENCES

1. Garkavi A. M. Comments. Nekrasov N. A. *Polnoe sobranie sochinenii* = *Complete works*: in 15 vol. Vol. 2. Leningrad: Science, 1981. P. 329–439. (In Russ.).
2. Gasparov M. L. Meter and meaning: about one of the mechanisms of cultural memory. Moscow: Fortune EL, 2012. 414 p. (In Russ.).
3. Evgenyev-Maksimov V. E. Life and work of N. A. Nekrasov: in 3 vol. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Goslitizdat, 1947. 416 p. (In Russ.).
4. Kopersky S. A. Dialectisms in the poetic language of N. A. Nekrasov. *Uchenye zapiski KGPI* = *KGPI Scientific Notes*. 1947. Vol. 15, No. 1. P. 275–319. (In Russ.).
5. Nekrasov N. K. Nekrasov's places of Russia. Yaroslavl: Verkhnevolzhsk Book Publishing House, 1971. 175 p. (In Russ.).
6. Ovsyaniko-Kulikovskiy D. N. The history of the Russian intelligentsia: the results of Russian fiction of the 19th century. Moscow: Printing house V. M. Sablina, 1908. Part I. 385 p. (In Russ.).
7. Panaeva A. Ya. Memories. Moscow: Truth, 1986. 508 p. (In Russ.).
8. Skatov N. N. Nekrasov. Series: ZhZL. Moscow: Young Guard, 1994. 411 p. (In Russ.).
9. Sorokin Yu. S. Development of the vocabulary of the Russian literary language. 30–90 years of the XIX century. Moscow; Leningrad: Science, 1965. 565 p. (In Russ.).
10. Filippovsky G. Yu. A. S. Pushkin – N. A. Nekrasov: aspects of dialogical poetics. *Nauchnyi dialog* = *Scientific dialogue*. 2021. No. 3. P. 276–290. (In Russ.). DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-276-290.
11. Chukovsky K. I. The Mastery of Nekrasov. Moscow: Fiction, 1971. 711 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 02.07.2021; одобрена после рецензирования 14.08.2021; принята к публикации 25.08.2021.

The article was submitted 02.07.2021; approved after reviewing 14.08.2021; accepted for publication 25.08.2021.